

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95).
Political Linguistics. 2022. No 5 (95).

УДК 811.161.1'42:82-31

ББК Ш141.12-51+Ш33(4)5-8,44

doi: 10.26170/1999-2629_2022_05_01

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

В. Н. Базылев

Открытый университет экономики, управления и права, Москва, Россия, v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

«Freiland»: истоки и итоги российского либерально-социалистического дискурса

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению наиболее важных вех эволюции либерально-социалистического дискурса в российской политической лингвокультуре XIX—XXI вв., реализации и воплощению в условиях российской действительности, началу, расцвету и «окончанию» его восприятия. Эвристический потенциал исследования основан на использовании понятия «константа», которое позволяет успешно исследовать и познавать сложные явления окружающей действительности. В данном конкретном случае речь идет о том, что решающим критерием дискурса оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции, проявляющие себя как идеология в актуализируемых текстах, приобретающих социально актуальное значение. Историко-социологический бэкграунд исследования образует феномен неравномерного развития культур. Либерально-социалистический дискурс анализируется, соответственно, с историко-филологических позиций. Материалом служит роман Т. Герцки «Freiland» 1890 года, который был разрешен советской цензурой к упоминанию как провозвестник либерально-социалистических идей вплоть до 80-х годов XX в. Однако для российской политической лингвокультуры практические воплощения либерально-социалистического дискурса остались на протяжении двух веков лишь проекцией идеальной и недостижимой картины мира. Поэтому как подлинные ценности, в том числе политические, они так и не были восприняты обществом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: либерально-социалистический дискурс, либерализм, константа, канон, концепты, концептосфера, дискурсные параллели, языковые средства, языковые конструкции, политическая идеология, либерально-социалистические идеи, лингвокультурология, художественные тексты, писатели, романы, литературное творчество, литературные жанры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, Открытый университет экономики, управления и права (Москва); 109029, Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базылев, В. Н. «Freiland»: истоки и итоги российского либерально-социалистического дискурса / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 12-23. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_01.

Vladimir N. Bazylev

Open University of Humanities and Economics, Moscow, Russia, v-bazylev@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8952-9485>

“Freiland”: Origins and Outcomes of the Russian Liberal-Socialist Discourse

ABSTRACT. The article looks at the most important milestones in the evolution of the liberal-socialist discourse in the Russian political linguoculture of the 19th-21st centuries, its realization and implementation in the situation of the Russian reality, and the beginning, flourishing and cessation of its perception. The heuristic potential of the study is based on the use of the notion of “constant”, which successfully allows the researcher to explore and cognize complex phenomena of the surrounding reality. In this particular case, the author argues that the decisive criterion of discourse is a special linguistic environment in which language constructs are created and manifest themselves as ideology in actualized texts that acquire socially relevant meanings. The historical-sociological background of this research creates the phenomenon of asynchronous development of cultures. The liberal-socialist discourse is analyzed, respectively, from the historical-philological positions. The novel by Th. Hertzka “Freiland” constitutes the research material of the study. It was allowed by the Soviet censorship to be mentioned as a herald of liberal-socialist ideas until the 80s of the twentieth century. However, for the Russian political linguoculture, the practical examples of the liberal-socialist discourse remained for two centuries only a projection of an ideal and unattainable picture of the world. Therefore, as genuine values, including political ones, they have never been perceived by society.

KEYWORDS: liberal-socialist discourse, liberalism, constant, canon, concepts, conceptosphere, discourse parallels, language means, language constructions, political ideology, liberal-socialist ideas, linguoculturology, fiction texts, writers, novels, literary creative activity, literary genres.

AUTHOR'S INFORMATION: Bazylev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Humanities, Open University of Humanities and Economics, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Bazylev V. N. (2022). "Freiland": Origins and Outcomes of the Russian Liberal-Socialist Discourse. In *Political Linguistics*. No 5 (95), pp. 12-23. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_01.

По небу
 тучи бегают,
 дождями
 сумрак сжат,
 под старую
 телегою
 рабочие лежат.
 И слышит
 шепот гордый
 вода
 и под,
 и над:
 «Через четыре
 года
 здесь
 будет
 город-сад!»
 ...
 Я знаю —
 город
 будет,
 я знаю —
 саду
 цвeсть,
 когда
 такие люди
 в стране
 в советской
 есть!

В. Маяковский. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. 1929 г.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной нами темы в исследовательской парадигме политического дискурса обусловлена тем, что к российскому либерально-социалистическому дискурсу на уровне массового сознания у значительной части населения в настоящее время преобладает достаточно устойчивое негативное отношение. Это находит подтверждение в реакции огромного числа людей на события, точнее их последствия, начала 90-х гг. XX в., когда в России правительством так называемых «младореформаторов» во главе с Е. Гайдаром начались коренные преобразования. Однако нужно понимать, что речь идет не столько о том, насколько принципы либерал-социализма хороши или плохи, а о том, как они реализовывались, находили свое воплощение в условиях российской действительности.

Кажется, ответ можно найти: во-первых, в традиции, во-вторых, в ментальности. И то и другое можно считать константами русской культуры.

Возможность введения этого понятия в отечественную филологию принадлежит Ю. С. Степанову [Степанов 2001: 77]. Он же оговаривает, что константа не означает предвечности. Когда-то ее не было, но с тех пор, как она появилась, она есть всегда. Константа не означает также неизменности: в ней есть неизменная и изменчивая части. Кроме этого, термину «константа» может быть придано и другое значение — некий постоянный принцип культуры. Понятие «константы» и сам термин в гуманитарной сфере — явление до сих пор редкое и не часто востребованное. Несмотря на то, что оно обладает эвристическим потенциалом. Суть последнего — в нахождении новых способов разрешения сложных проблем. Наличие творческого подхода, позволяюще-

го успешно исследовать и познавать сложные явления окружающей действительности. В данном случае речь идет о том, что решающим критерием дискурса оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции, проявляющие себя как идеология в актуализируемых текстах, находящихся социальный отклик.

Обращаясь к этой теме, автор отдает себе отчет в том, насколько она сложна и многопланова [Опыт... 1997]. Поэтому мы не берем на себя задачу ее полного освещения. Автор обращает свое внимание на наиболее важные вехи эволюции либерально-социалистического дискурса в российской политической лингвокультуре: начало, расцвет и «окончание» восприятия.

ЛИБЕРАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ — ИСТОКИ

Историко-социологический бэкграунд нашего исследования образует феномен неравномерного развития культур, который при прочих условиях выступает, с одной стороны, основой взаимодополнения и обогащения культур, с другой же, является одной из основных причин лингвокультурной конфликтности. Отметим, что процессы, связанные с развитием социально-политических идей, также распространяются неравномерно, затрагивая ту или иную культуру в большей или же в меньшей степени, а также в разной степени мировоззренческие фрагменты духовной культуры. Несмотря на весь «драматизм», сопровождающий названную эволюционную неравномерность, она является исторической данностью и носит объективный характер. Историко-культурный и социальный феномен неравномерности — это предпосылка для постоянного обращения России к воспроизведению европейских социально-политических моделей общественного развития. Поэтому многие из тех трудностей, с которыми российская политическая культура сталкивается сегодня, уходят своими корнями в историю — российскую и европейскую. История российской социально-политической культуры — это история перманентного отсроченного опыта адаптации социально-политической культуры Европы к условиям российской цивилизации.

Если говорить о ментальности, то константой при неравномерности эволюции лингвокультур становится то, что в России с XVIII века (хронотоп ограничен самим феноменом либерального дискурса в целом) социально-политические модели устройства и переустройства государства вносятся в «традиционалистский социум» по «декрету ца-

ря». Будь то реформаторские идеи М. М. Сперанского при Александре I и Николае I, П. Н. Милюкова при Николае II, Г. А. Явлинского при М. С. Горбачеве и Б. Н. Ельцине. Константно также лишь временное одобрение «сверху» тех или иных социально-политических доктрин.

Сам факт «декретности» говорит о том, что дискурс не может органично войти в опять-таки константно модернизируемую социально-политическую структуру общества. Российское общество отторгло или изменяло до неузнаваемости, порою до гротеска, не только заимствованные западноевропейские модели, в том числе либерально-социалистические, но и саму дискурсивную практику, сформированную во взаимодействии западноевропейского протестантского, католического, рационалистического и оккультистского дискурсов.

Принципы, которые могут быть описаны как либерально-социалистические, были основаны на работах либеральных, леволлиберальных, радикальных и социалистических экономистов и философов. В России это были А. И. Герцен и П. А. Кропоткин, М. А. Бакунин, Ф. М. Достоевский и Н. Г. Чернышевский [Ковтун 2005]. Но в основании принципов лежали западноевропейские идеи В. фон Гумбольдта, Дж. Дьюи и Т. Герцки.

Это дает право взглянуть на либерально-социалистический дискурс в первую очередь с историко-филологических позиций. Дело в том, что Вильгельм фон Гумбольдт, осуществивший, помимо прочего, реформу прусского образования, рассматривался либерал-социалистами своим предшественником по работе «Идеи к опыту определения границ деятельности государства». Дж. Дьюи воспринимался в России изначально также как педагог и представитель американского прагматизма. Н. К. Крупская познакомилась с его идеями во время своей поездки в Америку в 1909 г. Позже Дьюи приезжал в Советский Союз, чтобы помочь Наркомпросу в освоении «метода проектов». А. В. Луначарский^[1] вспоминал, как по совету Ленина после революции вместо прусской модели ввели американскую: «Ленину очень хотелось, чтобы пролетарские детишки росли здоровыми, не витали в облаках „всестороннего развития личности“ (что такое „личность“ и сколько у нее сторон — кто знает, пусть поднимет руку), а как можно раньше распознавали свое призвание и не болтались в жизненной проруби как круглые отличники» (цит. по: [Дьюи 2000: 240]).

Наконец, последнее из упомянутых нами имен — Теодор Герцка. Если Гумбольдт в советскую эпоху воспринимался преимуще-

ственно как филолог, а Дьюи — как педагог, причем «забытый»^[2] вместе со своим «проектным методом» до 90-х годов по идеологическим основаниям, то о Герцки продолжали официально упоминать именно как о провозвестнике либерально-социалистических идей вплоть до 80-х гг. Он не был «запрещен» советской цензурой и занимал свое, пусть скромное, место в советской картине мира.

В Большой советской энциклопедии второго (1949–1958 гг.) и третьего (1969–1978 гг.) издания дословно повторяется статья о Герцки, в которой говорится: «В написанном через 5 лет другом своем утопическом романе — „Entrückt in die Zukunft“ (1895; русский перевод: „Заброшенный в будущее“, Л., 1925), Г. сделал значительный шаг вперед к революционному социализму. В этом романе констатируется полная безуспешность всех попыток частично реформировать буржуазное общество» [БСЭ 1954, т. 6: 567].

В 1972 г. выходит второй том «Литературной энциклопедии», в котором также есть словарная статья о Герцки, написанная Б. А. Гиленсоном^[3]. Последний говорит о том, что «в 20 в., во время обострения противоречий капиталистического мира и развития широкого социалистического движения, в Советском Союзе широкую известность приобрели романы австрийского писателя Т. Герцка „Свободная страна“ (1890) и „Заброшенный в будущее“ (1895)» [Литературная энциклопедия 1964, т. 2: 853].

Мы не случайно сосредоточили свое внимание именно на энциклопедических статьях советской эпохи. Дело в том, что это свидетельствует о разрешенном вхождении текстов Герцки в картину мира советского человека. По мнению И. Сандомирской, литературное творчество, словарное дело и политическая цензура оказываются формами лингвофилософских построений. В своей совокупности они выступают как разновидности авторитетного суждения о мире и как формы герменевтического толкования этого мира. Советская цензура, разрешающая упоминать произведения Герцки, проявляет себя именно как герменевтический институт. Энциклопедия в советскую эпоху воплощает в себе порядок дискурса в не меньшей степени, чем другой письменный документ времени [Сандомирская 2001: 206–207].

Правда, сам роман «Freiland» на русский полностью переведен не был. В этом не было необходимости по двум причинам. Во-первых, подавляющее большинство революционной русской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. свободно читало по-немецки. Во-вторых, сам роман был написан на вкус

русского читателя начала XX в. сухим стилем и больше всего напоминал экономический трактат и план конкретных действий. Он подан в виде дневниковых записей главного героя. То, что органично воспринималось читателем немецкой лингвокультуры, не могло найти адресата в лингвокультуре русской. Поэтому переводчики и популяризаторы идей Т. Герцки ограничились кратким переводом-изложением романа «Freiland». Так, например, А. Кирхенхейм дал в 1902 г. изложение романа в своей книге-пересказе «Вечная утопия» [Кирхенхейм 1902].

В основном внимание обращали на себя другие произведения Герцки, которые в большей степени были посвящены пропаганде либерально-социалистических взглядов автора, были меньше по объему и были написаны в более популяризаторской стилистике.

Речь идет о романах «Eine Reise nach Freiland» (1893) и «Entrückt in die Zukunft: sozialpolitischer Roman» (1895), последний из которых был переведен на русский язык в 1925 г. Т. А. Богданович^[4] [Герцка 1925].

Тексты Т. Герцки, их либерально-социалистический дискурс, освоенные как на языке оригинала, так и в русских переводах, легли в основу многих текстов той эпохи, вплоть до начала 30-х гг. [Витман, Покровская, Эттингер 1926]. Среди наиболее популярных, но потом по понятным причинам забытых, оказались: «Грядущий мир. Утопический роман» Я. Окунева, «Через тысячу лет» В. Никольского, «Борьба в эфире» А. Беляева, «Пять бессмертных» В. Васюлинского, «Дважды рожденный» Ф. Богданова, «Следующий мир» Э. Зеликовича. Демонстрируя образцовое общественное устройство, не существующее пока в реальности, такие тексты давали возможность «очистить» современные тенденции, просматривать их более отчетливо. Собственно говоря, писателей (и читателей) интересовал не столько прогноз, сколько анализ современной общественной ситуации. Это стало возможным потому, что, по словам К. Поланьи, цели либерализма не так уж отличаются от целей социалистов, так как либерализм и социализм придают одинаковое значение понятиям равноправия, равенства, справедливости, свободы и солидарности [Поланьи 2013: 121–122].

ТЕОДОР ГЕРЦКА^[5] И ЕГО РОМАН «FREILAND» 1890 ГОДА^[6] КАК КАНОН ЛИБЕРАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА^[7]

Мы говорим о тексте Герцки как о каноне, имея в виду следующее: в современной

теории нарратива канон трактуется как исходный (первичный) текст, содержащий «верные» и «признаваемые» события; традиционно же под каноном понимается неизменная (консервативная) традиционная, не подлежащая пересмотру совокупность законов, норм и правил в различных сферах деятельности и жизни человека^[8]. Все эти признаки присутствуют в тексте Герцки, который актуализируется на протяжении своего существования в лингвокультурах — романо-германской, русской, еврейской, англо-американской — как идеология. Будь то тексты и деятельность Теодора Герцля^[9], Франца Оппенгеймера^[10] или Ивана Проханова^[11].

Ключевые смыслы либерально-социалистического дискурса, как и положено, отражены в конституции Фриландии, закрепляющей концепты: «права человека», «индивидуальная свобода», «частная собственность», «справедливость», «самоуправление», «самовыражение».

Freilands Grundgesetz besteht aus fünf Artikeln; diese lauten:

1. Jeder Bewohner Freilands hat das gleiche, unveräußerliche Anrecht auf den gesamten Boden und auf die von der Gesamtheit beigestellten Produktionsmittel.

2. Frauen, Kinder, Greise und Arbeitsunfähige haben Anrecht auf auskömmlichen, der Höhe des allgemeinen Reichtums entsprechenden Unterhalt.

3. Niemand kann, sofern er nicht in die Rechtssphäre eines andern greift, in der Betätigung seines freien individuellen Willens gehindert werden.

4. Die Entscheidungen über öffentliche Angelegenheiten werden nach den Beschlüssen aller volljährigen (mehr als zwanzigjährigen) Bewohner Freilands ohne Unterschied des Geschlechts getroffen, die alle das gleiche aktive und passive Stimm- und Wahlrecht besitzen.

5. Die beschließende sowohl als auch die ausübende Gewalt ist nach Geschäftszweigen geteilt und zwar in der Weise, daß die Gesamtheit der Stimmberechtigten für die wichtigsten öffentlichen Geschäftszweige gesonderte Vertreter wählt, die gesondert ihre Beschlüsse fassen und die Gebirgungen der vorstehenden Verwaltungsorgane überwachen [Hertzka 1890: 113].

В экономике Фриландии передающими базовые либерально-социалистические смыслы выступают дискурсивные высказывания, касающиеся предпринимательской деятельности, рынка, права частной собственности, свободной конкуренции, невмешательства государства в экономическую деятельность индивидов, перманентных инноваций.

Das Prinzip der freien Vergesellschaftung und die freie Beweglichkeit der Arbeitskräfte führen dem besseren Boden mehr Arbeiter zu als dem schlechteren [Hertzka 1890: 94].

Der Verbrauch, also die Befriedigung eines Bedürfnisses, ist die ausschließliche Triebfeder der Arbeit. Die freie Beweglichkeit der Arbeitskräfte sorgt dafür, daß sich den rentabelsten Betrieben die meisten Hände zuwenden [Hertzka 1890: 96].

Es betrifft dies vorwiegend die Assoziationen und die noch in geringer Zahl vorhandenen Einzelproduzenten. Die Geschäftsberichte sind jährlich oder in kürzeren Abständen einzusehen. Der Arbeitsaufwand muß wöchentlich bekanntgegeben werden [Hertzka 1890: 97].

Правда, наиболее противоречивая с позиции самого либерально-социалистического дискурса оценка роли государства в регулировании экономических процессов так и не получает однозначного выражения. Это очевидно по тем текстам, в которых идет речь об организации повседневного труда.

Die Arbeitszeit ist für jedermann — ob Arbeitsvorsteher oder gewöhnlicher Arbeiter, Weißer oder Neger — die gleiche: von 5 bis 10 Uhr vormittags und von 4 bis 6 Uhr nachmittags. Nur in der Erntezeit werden ein bis zwei Stunden zugegeben. Am Sonntag ruht alle Arbeit.

Nun zur Tagesordnung: Gegen 4 Uhr wird aufgestanden, im Edensee ein Bad genommen und hierauf Toilette gemacht. Das Reinigen und Ausbessern der Kleider besorgt eine Gruppe angeleierter Suahelis. Die Kleidungsstücke werden jeden Morgen neu ausgetauscht bzw. gereinigt gebracht. Hierauf folgt das Frühstück, wieder von einer Gruppe Suahelis zubereitet. Dieses erste Frühstück besteht je nach Wunsch aus Tee, Schokolade, Schwarzem oder Milchkaffee, Milch oder Suppe; dazu nach Wahl Butter, Käse, Honig, Eier, kalter Braten, Brot und Gebäck. Nach diesem Frühstück wurde bis 8 Uhr gearbeitet, bis das zweite Frühstück kam, bestehend aus einer nahrhaften warmen Speise: Omelett, Fisch oder Braten mit Brot, etwas Käse und Früchten und als Getränk Quellwasser oder erfrischender Bananenwein, den die Eingeborenen zubereiten. In der Regel nimmt dies 20 Minuten in Anspruch. Anschließend wird bis 10 Uhr weitergearbeitet, worauf die große Mittagspause folgt. Diese wird insbesondere in den heißen Monaten von den meisten zu einem zweiten Bad im See benutzt, dem irgendeine häusliche Zerstreung, Lektüre, Konversation oder Spiel folgt. Um 1 Uhr wird die Hauptmahlzeit gehalten, bestehend aus Suppe, einem Fleisch- oder Fischgericht mit Gemüse, süßem Backwerk und Früchten, dazu Bananenwein oder Bier aus eigenen

Brauereien. Nach dem Speisen wird von einzelnen ein halbes Stündchen geschlafen, dann gibt es wieder Konversation, Lektüre, Spiel. Nachdem die ärgste Hitze vorüber ist, wird die Nachmittagsarbeit erledigt. Nach dieser folgt ein drittes Bad. Um 7 Uhr nimmt man wieder eine dem ersten Frühstück ähnliche Mahlzeit, sofern es nicht regnet, im Freien und zu größeren Gesellschaften vereinigt, ein. Hinsichtlich der Mahlzeiten kann jeder wählen, was und wieviel ihm beliebt. Nur bezüglich der geistigen Getränke hält man es anders, aus Rücksicht auf die Neger. Abends wird Musik gemacht. Ein 45-Mann Orchester von Blas- und Streichinstrumenten und ein Chor sorgen für Unterhaltung. Nach Sonnenuntergang kühlt es empfindlich ab, und in den Nächten sinkt die Temperatur bisweilen auf 4 Grad Celsius.

Die Sonntage sind ausgefüllt mit mannigfaltigen Veranstaltungen zur Unterhaltung, Belehrung und Erbauung [Hertzka 1890: 70].

Однако экономическая свобода, разнообразные социальные каналы для реализации прав и свобод, свободный доступ к ценностям культуры, универсализация ценностей — все эти постулаты, воплощаемые в реальности, должны в либерально-социалистической доктрине привести к утверждению социально и экономически сбалансированного общества.

Das Versorgungswesen umfaßt alle Frauen, Kinder, alle Männer über 60 Jahre, alle Kranken und Invaliden. Ihre Bezüge sind so hoch bemessen, wie sie dem Stande des allgemeinen Reichtums in Freiland entsprechen.

Alleinstehende Frauen, sofern sie nicht arbeiten und über kein ge-regeltes Einkommen verfügen, erhalten 30%, alleinstehende Männer 40%, verheiratete Frauen haben dagegen Anspruch auf 15% des durchschnittlichen Jahresreinertrages; das ist die Entlohnung eines freiländischen Aktiven. Waisen werden in öffentliche Verpflegung übernommen.

Ansehnliche Ausgabenposten nehmen im Budget Statistik, Lagerhaus- und Bankwesen ein. Die Kosten der Verwaltungszweige können weitgehend eingespart werden, denn Justiz, Polizei, Militär- und Finanzverwaltung existieren in Freiland nicht. Freiland hat weder besoldete Richter noch Polizeiorgane. Außerdem wird „nicht gestohlen, geraubt oder gemordet“ und es gibt auch keine Steuerrückstände! Freiland hält einen Zivil- und Kriminalkodex für unnötig. Lange Zeit hatte man überhaupt keine geschriebene Verfassung. Eine Art „oberster Ausschuß“ legte seine Maßnahmen in öffentlichen Versammlungen dar, die der Zustimmung der Gemeinde bedurften.

Zur Schlichtung etwaiger Streitfälle unter den Mitgliedern werden Schiedsrichter gewählt,

die in mündlichen Verfahren, nach bestem Wissen, ihre Entscheidungen treffen. Freiland besitzt kein Strafrecht, sondern nur ein Schutzrecht. Allfällige Verbrecher werden als geistig und moralisch Kranke angesehen, deren Heilung eine Angelegenheit des öffentlichen Dienstes ist. Je nach dem Grad ihrer Gemeingefährlichkeit werden sie in Beobachtung oder Gewahrsam genommen und solange einer geeigneten Behandlung unterzogen, wie dies nach dem Urteil kompetenter Fachleute im Interesse der Sicherheit notwendig erscheint [Hertzka 1890: 197].

Парадоксальным, но органичным для либерально-социалистического дискурса выступает система разделений и дискриминаций, в первую очередь касающаяся женщины [Базылев 2020].

Das Weib ist seiner physischen und psychischen Beschaffenheit nach nicht zu produktiver Tätigkeit, sondern einerseits zur Fortpflanzung, andererseits zur Verschönerung und Veredelung des menschlichen Daseins bestimmt. Solange wir alle uns mit dem Kampf des Lebens quälten, konnte von Rücksicht auf die Schwäche und auf den Adel des Weibes keine Rede sein. Die Schwäche, nicht der Rechtstitel auf Schonung, mußte zu einem Anreiz der Unterjochung werden ... Es blieb, um sein Dasein zu fristen, angewiesen darauf, ... es zu versorgen. Diese von Recht und Sitte geheiligte Prostitution ist in ihren Wirkungen verheerender, als jede andere ihr Wesen unverhüllt zur Schau tragende, die sich von ihr bloß dadurch unterscheidet, daß hier der schmachliche Handel nicht auf Lebenszeit, sondern für kürzere Zeit geschlossen wird ... Das Weib soll in ihrem Gatten nicht allein den Versorger, und die Ehe als einziges Rettungsmittel gegen materielle Not sehen. Aber auch gemeine Arbeit soll ihr nicht überantwortet werden [Hertzka 1890: 114].

Одной из сфер, где либерально-социалистический дискурс Герцки достиг максимума выразительности и непротиворечивости, явилась образовательная система. Базовый концепт — идея обучающегося общества, подразумевающая наличие в обществе механизмов, стимулирующих индивидов к постоянному личностному росту. Наиболее продуктивным инновационным ориентиром в сфере образования либеральный дискурс провозглашает свободу индивида в выборе собственной образовательной практики.

Es gibt zwar überall in Freiland ausreichend Kindergärten, doch im allgemeinen ziehen es die freiländischen Mütter vor, ihre Kinder um sich zu haben. Nur wenn die Damen das Haus verlassen, um ihren Geschäften und Vergnügungen nachzugehen, werden die Kleinen im nächsten Kindergarten abgegeben.

Die Elementarschulen liegen in größeren Gärten, sie sind vierklassig und koedukativ geführt. Das Lehramt liegt durchwegs in den Händen junger Mädchen und Frauen. Nur Turnen und Schwimmen der Knaben leiten männliche Lehrer. Mindestens dreimal wöchentlich werden mit jeder Klasse mehrstündige Ausflüge in benachbarte Berge und Wälder unternommen und Anschauungsunterricht erteilt. In den Mittelschulen der Zehn- bis Fünfzehnjährigen erfolgt die Trennung in Knaben und Mädchen. Den Leibesübungen wird hier in noch größerem Maße Aufmerksamkeit geschenkt. Während die Knaben eine paramilitärische Erziehung erhalten, wird bei den Mädchen großer Wert auf musikalische Ausbildung gelegt. Die Mädchen bleiben nach der Mittelschule im elterlichen Haus, um sich dort „in jenen Künsten und Wissenszweigen weiterzubilden, zu denen der Grundstein gelegt wurde“. Sie haben auch die Möglichkeit als „Ziehtöchter“ in das Haus einer als „hochgebildet und geistreich“ bekannten Frau zu gehen. Ein anderer Teil besucht die pädagogischen Lehranstalten, um sich auf das Lehramt vorzubereiten.

Die Mehrzahl der Knaben absolviert die gewerblichen Fachschulen, in denen wissenschaftliche und praktische Anleitung zu den verschiedenartigsten Geschäfts und Produktionsarten erteilt wird. Junge Leute, die die Berufung zu höherer geistiger Tätigkeit in sich verspüren, besuchen die eigentlichen Hochschulen, in denen Professoren, höhere Verwaltungsbeamte, Ärzte, Techniker etc. ausgebildet werden. Doch auch dort wird neben der geistigen Bildung auf die körperliche Ertüchtigung größter Wert gelegt. Das Institut für „Gau- und Landesübung“ sorgt dafür, den Eifer für körperliche Ausbildung nicht erlahmen zu lassen [Hertzka 1890: 189].

Как видим, ключевыми концептами либерально-социалистического дискурса Герцки изначально выступали права человека, индивидуальная свобода, частная собственность, справедливость, самоуправление, самовыражение. Одним из главных компонентов либерально-социалистического политического дискурса с самого начала являлся концепт всеобщего избирательного права. Либерально-социалистический дискурс объявляет основным пороком общества наличие внеправовых регуляторов жизнедеятельности социума.

ЛИБЕРАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ — «ИТОГИ»

Как это ни парадоксально прозвучит, но, не успев войти в русскую лингвокультуру, либерально-социалистический дискурс поч-

ти сразу же уходит на периферию семиосферы. Отталкиваясь от идеи Ю. М. Лотмана, можно говорить о том, что пространство, в котором должен был формироваться семиозис, оказалось ограниченным, как стало принято говорить позже, *belles-lettres style*. То есть пространство, представляющее собой условие, необходимую предпосылку для осуществления коммуникаций и существования не просто дискурса, а дискурсивной практики, ограничилось, за редким исключением (организация с 1927 г. И. С. Прохановым серии образцовых религиозно-трудовых поселений), созданием символов. По словам Ю. С. Степанов, первым символом «навязанной» русской лингвокультуре теории благоденствия и выгод становится «Хрустальный дворец» Ф. М. Достоевского из его «Записок из подполья» 1864 года [Степанов 1997: 448–449]. Параллельно формируется символ «Новой России» в четвертом сне Веры Павловны у Н. Г. Чернышевского.

В этом — принципиальное отличие российского семиозиса либерально-социалистического дискурса от западноевропейского, который органично встроил в свое пространство конкретные дела: возникновение большого числа «фриландских обществ» в Германии и Австро-Венгрии, скандинавских странах; основание так называемых кооперативных колоний в Африке, Америке, Австралии, чуть позже — в Палестине [Neubacher 1987: 23–28].

Что касается пореволюционной России, то в 1926 г. упомянутому выше И. С. Проханову удалось получить разрешение на основание христианского города-коммуны Евангельск. Однако проект был остановлен по личному распоряжению Сталина [Попов 1996]. Прямых цитат и ссылок на Герцки в текстах Проханова нет. Но известно, что с 1895 г. на протяжении двух лет он получал образование в Бристоле, а затем в Лондоне. По полгода он провел в Берлинском и Парижском университетах. Кроме того, по скрытым цитатам в текстах Проханова [Проханов 1993] можно предположить, что он читал популярный на тот момент роман Герцки.

Наверное, поэтому упомянутый нами выше П. Н. Милюков, критикуя революцию 1917 г., видел в ней нечто положительное. А именно: не утопию, а созидание нового общества. Конечно, с оговорками. Важнейшим позитивным следствием революции П. Н. Милюков считал уничтожение помещичьего землевладения, иных полуфеодальных пережитков, тормозивших развитие России. П. Н. Милюков напоминал постоян-

но, что именно кадетская партия в Думе в годы Первой русской революции настойчиво пыталась добиться принятия аграрной реформы. В своих публикациях 20-х гг. П. Н. Милюков внимание уделял именно выяснению особенностей большевистской модели общественной жизни [Милюков 1923: 6].

Все это позволяет нам рассматривать либерально-социалистический дискурс сквозь призму дискурсных параллелей, которыми так богата русская лингвокультура XX в. [Базылев 2014]. В основании всей серии рассматриваемой нами дискурсной практики изначально лежала идея пересмотра содержания реальности как исходной точки новой картины мира. Реальность при этом воспринималась как культурный акт творения, совершаемый автором. Текст автора, по словам Г. Н. Зверевой, «предстает в данном случае не как конечный результат интеллектуальной творческой деятельности, а как открытое, изменчивое, текучее пространство культурного — вербального и невербального — со-общения <...> это пространство выражено особыми культурными знаками, символами, образами, и обусловлено сущностными свойствами культурного бытия, автора текста и адресата» [Зверева 1996: 13]. Реальность, создаваемая и передаваемая автором как культурная реальность, устанавливается в тексте во имя согласования всех дискурсных элементов картины мира.

Напомним, либерально-социалистические взгляды были основной идеологией Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы, кадетов), программа которой на 1913 год выглядела так: «...равенство всех российских граждан без различия пола, религии и национальности; свобода совести, слова, печати, собраний, союзов; неприкосновенность личности и жилищ; свобода культурного самоопределения национальностей; конституция с ответственным перед народными представителями министерством (парламентский строй); всеобщее избирательное право по семичленной формуле; местное самоуправление на основе всеобщего избирательного права, распространяющееся на всю область местного самоуправления; независимый суд; реформа податей для облегчения беднейших классов населения; бесплатная передача крестьянам земель государственных, удельных, кабинетских и монастырских; принудительный выкуп в их пользу части земель частновладельческих по справедливой оценке; законодательная охрана труда; 8-часовой рабочий день; всеобщее бесплатное и обязательное начальное образование; культурное самоопределение всех наций и народностей

(религия, язык, традиции)» [Программа... 1905: 40–49].

Дискурсные параллели на этом не заканчиваются. Мы не случайно предпослали статье эпиграф из стихотворения Владимира Маяковского. Л. Ю. Брик вспоминала: «Одной из самых близких ему книг была „Что делать?“ Чернышевского. Он постоянно возвращался к ней. Жизнь, описанная в ней, перекликалась с нашей. Маяковский как бы советовался с Чернышевским о своих личных делах, находил в нём поддержку. „Что делать?“ была последняя книга, которую он читал перед смертью» [В. Маяковский в воспоминаниях... 1963: 633].

Последние исследования Л. Ф. Кациса о творчестве Маяковского свидетельствуют о том, что поэт оказался редким примером того, как утопическая, в сущности, программа жизни в мире после прихода «в терновом венке революции» реализовалась на практике. Как пишет Кацис: «С самого начала своего творческого пути Маяковский строил утопию мира, „где бы всей вселенной шла любовь“. И у него было достаточно предшественников в этих мечтах. И прежде всего — В. В. Розанов. Причем даже не столько Розанов в чистом виде, сколько розановские трансформации текстов Достоевского» [Кацис 2000: 751–752].

К сожалению, тогда (да и не только тогда, но и позже — на протяжении всего XX в.) ничего не оставалось иного, как мечтать. Так, в критическом творчестве В. Розанова присутствует понятие утопии, как некоего идеала общественного устройства, к которому устремляются помыслы человека. Правда, лишь идеала или символа, поэтому он и будет задаваться вопросом: «О Томас Мор, русский Томас Мор: отчего же ты не пишешь „Русскую Утопию“». И вот сам В. Розанов пытается написать «русскую утопию образования» [Розанов 1990]. Но не он один. У него был ученик и последователь. В 1933 г. П. Флоренский пишет «Предполагаемое государственное устройство в будущем», утверждая, что Россия должна сформировать собственную модель политического устройства согласно своим историческим, культурным и религиозным устоям [Флоренский 1996: 647 сл.].

Оказавшись с самого начала на периферии семиосферы, либерально-социалистический дискурс, как мы могли убедиться, оставаясь обособленной константой, лишь фрагментарно становится востребованным в русской лингвокультуре. Последняя на сегодняшний день востребованность названной дискурсивной практики приходится на революционные по своей сути 90-е гг. XX в.

Так, в феврале — мае 2019 г. в России отметили 150-летие Проханова. Тогда же прошел ряд конференций (в том числе в Институте Европы РАН), признавших его видным российским общественным деятелем начала XX в. [150-летие И. С. Проханова... 2019].

Кроме того, в тот же период либерально-социалистический дискурс актуализируется в деятельности сначала избирательного блока, затем общественного объединения и, наконец, политической партии «Яблоко» [Явлинский 1999: 208–212].

Здесь необходимо оговорить важность разграничения понятий «актуальность» и «актуализация» в исторической ретро- и проспективе. Актуализация дискурсного наследия для современной российской политики — это не столько его «музейное» сохранение, сколько извлечение из него нравственных и духовных ценностей, а также, что не менее важно, практических смыслов. Необходимо осознавать разницу между актуализацией политического дискурсного наследия прошлого и приписыванием конкретным идеям актуальности. Путаница в словах, как известно, ведет к путанице в мыслях, а последняя ведет к путанице в деятельности — деятельности политической. Если мы говорим об актуальности, то мы как бы ставим знак равенства между эпистемами. По словам Екклесиаста, «1.9. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». И вот раздаются восторженные возгласы: пусть будет так же! Давайте воспроизведем этот образец! Восстановим систему! И т. п. Но в мире все меняется, время не вернуть назад. В противовес этому, актуализация — это деятельность по включению фрагментов, в нашем случае фрагментов политического дискурсного наследия, в современную культуру путем их переинтерпретации. Это совершенно иная задача и совершенно иная деятельность — творческая, по сравнению с механическим воспроизведением, воссозданием, имитацией или реконструкцией даже самых прогрессивных находок своего, давно прошедшего времени. Актуализация наследия — особая разновидность культурной преемственности, определяющая границы значимого и незначимого, ценного и неценного, наполненного смыслом для сегодняшнего дня (или для современности) и совершенно бессмысленного.

В 2015 г. «Яблоко» приняло Политический меморандум, представляющий собой краткое изложение идеологии партии. Новая редакция меморандума принята в 2019 г. Содержание меморандума гласит: «Стране необходимы глубокие и всесторонние поли-

тические реформы, направленные на переход к независимому, справедливому и милосердному правосудию, полноценному местному самоуправлению, прозрачности законодательной и исполнительной власти и их подотчетности гражданам, к честным выборам и деполитизации силовых структур <...>.

Необходимо полное отделение бизнеса и собственности от власти (к слиянию которых привела ошибочная политика 1990-х и 2000-х годов), отказ от поддержки олигархического бизнеса из бюджета. Обязателен переход от сырьевой экономики к современной высокотехнологичной <...>.

Достойное и успешное будущее России может быть основано только на ценностях свободы, прав человека, принципах демократии, правового государства и неприкосновенности частной собственности <...>» [Политический меморандум... 2019].

Однако в очередной раз либерально-социалистический дискурс оказывается на периферии семиосферы. Это связано с тем, что существование «Яблока» как политического субъекта к 2022 г., по мнению политолога Екатерины Шульман, практически исчерпало себя [Оглоблин 2022].

Но главное — не это. Российский либерально-социалистический дискурс не преодолел внутренних противоречий европейской дискурсной параллели, более того, заложенные внутри европейского либерал-социализма антиномии в условиях российской действительности были радикализованы. Уже в XIX столетии можно было наблюдать большую вариативность либерального дискурса в России, которая была вызвана разноплановыми интерпретациями либеральных ценностей в российском обществе.

В русской культуре изначально отсутствовала та практическая (скорее даже прагматическая, по американскому паттерну) интерпретация историко-культурного текста, которая эффективно опиралась на либерально-социалистический дискурс. Для русской культуры перевод дискурса в реальность повседневной жизни — это недостижимый идеал, поэтому либеральный социализм оставался возможным лишь в философском (как у Флоренского) или религиозном (как у Проханова) планах. Эта характерная именно для русской культуры интерпретация не согласуется ни с одним прагматически ориентированным постулатом, так как они всегда должны иметь практическое воплощение — будь то свобода частной собственности и предпринимательства, свобода волеизъявления, сексуальная свобода и пр.

(чего не смогло добиться «Яблоко», также оставшись на уровне деклараций).

Для русской культуры практические воплощения либерально-социалистического дискурса так и остались лишь проекцией идеальной и недостижимой картины мира. Поэтому как подлинные ценности, в том числе политические, так и не были восприняты обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вернемся к поставленному в начале статьи вопросу о константности либерально-социалистического дискурса в российской политической лингвокультуре XIX–XXI вв.

Ю. С. Степанов в своей работе о концептах русской культуры ввел в научный обиход отечественной филологии понятие «концепты, получившие особые русские „собственные имена“». Но до конца последовательно он их не проанализировал: говоря о «некоторым образом собственно русских концептах», он противоречиво оговаривал имеющиеся параллели в европейской культуре [Степанов 1997: 673–693].

С нашей точки зрения, следовало бы говорить в данном случае не о собственных/особенных концептах русской культуры, а об обособленных, т. е. имеющих общие источники, но обособившихся в своем своеобразии/разнообразии в процессе эволюции европейской и русской культуры, или же в романо-германской и славянской цивилизации [Базылев 1999: 90; Базылев 2001: 125].

К одним из таких обособленных (обособившихся) концептов следует отнести, на наш взгляд, те, из которых конструируется в семиосфере либерально-социалистический дискурс в России, отвечая традиции и соответствуя национальной ментальности.

Конечно, логика филолога не соответствует реальной логике политических традиций развития страны или логике национальной картины мира. И там, и там возможен алогизм. Мы понимаем это так, что историко-литературный текст (в нашем случае текст Герцки) обладает способностью трансформироваться в любой вид политического дискурса.

Однако в России либерально-социалистический дискурс практически сконструирован не был. Константой была и остается лишь система высказываний. Попытки либерально-социалистического дискурса утвердить основные свои положения и сформировать соответствующие практики в России на протяжении уже почти двухсот лет так и не увенчались успехом. Очевидно, прав был М. Е. Салтыков-Щедрин, когда иронично писал: «В некоторой стране жил-был либе-

рал... Он видел, что кругом него люди, словно отравленные мухи, бродят, и говорил себе: „Это оттого, что они не сознают себя строителями своих судеб...“... Но этого мало: либерал не только благородно мыслит, но и рвался благое дело делать. Заветнейшее его желание состояло в том, чтобы луч света, согревавший его мысль, прорезал окрестную тьму, осенил ее и все живущее напоил благоволением. Всех людей он признавал братьями, всех одинаково призывал насладиться под сению излюбленных им идеалов. Хотя это стремление перевести идеалы из области эмпирии на практическую почву припахивало не совсем благонадежно, но либерал так искренно пламенел, и притом был так мил и ко всем ласков, что ему даже неблагонадежность охотно прощали. Умел он и истину с улыбкой высказать, и простачком, где нужно, прикинуться, и бескорыстием щегольнуть. А главное, никогда и ничего он не требовал наступая на горло, а всегда только *по возможности...*» [Салтыков-Щедрин 1974: 162].

ПРИМЕЧАНИЯ

^[1] Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — русский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед; с октября 1917 года по сентябрь 1929 года — первый нарком просвещения РСФСР.

^[2] Дж. Дьюи «был забыт» для советской системы образования после принципиальной реформы средней общеобразовательной школы вновь по «германскому образцу» в 1934 г. в свете Постановления Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г.

^[3] Гиленсон Борис Александрович (1932–2018) — советский и российский литературовед, специалист по американской литературе XX века, античной литературе и зарубежной литературе конца XIX — начала XX века.

^[4] Богданович Татьяна Александровна (1872–1942), русская, советская писательница, переводчица.

^[5] Герцка Теодор (1845–1924) — австро-венгерский экономист и публицист.

^[6] Цитаты даются по изданию [Hertzka 1890].

^[7] В связи с тем, что жанр статьи предполагает ограничения по объему, мы отказались от перевода цитируемых фрагментов, а ограничились переводческим комментарием.

^[8] Подробнее о современном понимании канона см. [Базылев 2001].

^[9] Герцль Теодор (1860–1904) — еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, про-

возвестник еврейского государства, доктор юриспруденции, журналист, писатель.

^[10] Оппенгеймер Франц (1864–1943) — немецкий экономист и социолог, опубликовавший социально-экономические работы по социологии государства и по теории происхождения государства.

^[11] Проханов Иван Степанович (1869–1935) — российский, советский и эмигрантский политик и религиозный деятель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 150-летие И. С. Проханова — признанного российского религиозно-общественного деятеля начала 20-го века / CEF.ru. — URL: <https://www.cef.ru/infoblock/news/read/article/1502386#:~:text/>. — Текст : электронный.

2. Базылев, В. Н. Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе : материалы научной дискуссии в Институте языкознания РАН / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 9 / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 1999. — С. 5–52.

3. Базылев, В. Н. Обособленные концепты русской культуры / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Филологические записки. — 1999. — № 1. — С. 90–98.

4. Базылев, В. Н. Обособленные концепты русской культуры: свобода-воля / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Вестник Казанского государственного педагогического университета. — 2001. — № 3. — С. 125–132.

5. Базылев, В. Н. Сталинские дискуссии: дискурсные параллели / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 23–29.

6. Базылев, В. Н. Эротический автопортрет на фоне Кремля: Александра Коллонтай / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 12–22.

7. Большая советская энциклопедия : в 50 т. / ред. С. И. Вавилов, Б. А. Введенский. — 2-е изд. — Москва ; Ленинград : ГНИ «Большая советская энциклопедия», 1949–1958. — Текст : непосредственный.

8. В. Маяковский в воспоминаниях современников / под общ. ред. В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Ю. Г. Оксман, Б. С. Рюрикова ; вступ. ст. С. С. Паперного ; сост., подг. текстов и примеч. Н. В. Реформатской. — Москва : ГИХЛ, 1963. — 731 с. — Текст : непосредственный.

9. Витман, А. М. Восемь лет русской художественной литературы (1917–1925) / А. М. Витман, Н. Д. Покровская, М. Е. Эттингер. — Москва ; Ленинград : ГИЗ, 1926. — 280 с. — Текст : непосредственный.

10. Герцка, Т. Заброшенный в будущее : социальный роман / Т. Герцка ; пер. с нем. Т. Богданович. — Ленинград : Колос, 1925. — 190 с. — Текст : непосредственный.

11. Дьюи, Дж. Школы будущего / Дж. Дьюи, Э. Дьюи ; с коммент. проф. В. В. Кумарина. — Москва : Народное образование, 2000. — 250 с. — Текст : непосредственный.

12. Зверева, Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории / Г. И. Зверева. — Текст : непосредственный // Одиссей. — 1996. — № 1. — С. 11–24.

13. Кацис, Л. Ф. Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи / Л. Ф. Кацис. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 776 с. — Текст : непосредственный.

14. Кирхенхейм, А. Вечная утопия. С прил. «Страна свободы Теодора Герцка» / А. Кирхенхейм. — Санкт-Петербург : Ф. Павленков, 1902. — 320 с. — Текст : непосредственный.

15. Ковтун, Н. В. Русская литературная утопия второй половины XX века / Н. В. Ковтун. — Томск : Изд-во Томского ГУ, 2005. — 536 с. — Текст : непосредственный.

16. Литературная энциклопедия : в 9 т. / ред. А. А. Сурков. — Москва ; Ленинград : Советская энциклопедия, 1962–1978. — Текст : непосредственный.

17. Манихин, О. Н. Российская демократическая партия «Яблоко». Краткий исторический очерк / О. Н. Манихин. — Москва : Интеграл-Информ, 2003. — 144 с. — Текст : непосредственный.

18. Милоков, П. Н. «Завоевания» или «последствия» революции / П. Н. Милоков. — Текст : непосредственный // Последние Новости. Париж. — 1923. — 4 дек. — С. 6.

19. Оглоблин, В. Главная либеральная партия России утонула в конфликтах и бюрократии, потеряв избирателей / В. Оглоблин. — Текст : электронный // News.ru. — 2022. — 12 янв. — URL: <https://news.ru/politics/kak-vnutrennyaya-borba-dlya-yabloka-stala-vazhnee-politiki/>.

20. Опыт русского либерализма : антология. — Москва : Канон, 1997. — 480 с. — Текст : непосредственный.

21. Поланьи, К. Избранные работы / К. Поланьи. — Москва : Территория будущего, 2013. — 200 с. — Текст : непосредственный.

22. Политический меморандум партии «ЯБЛОКО». — URL: <https://www.yabloko.ru/mpa>. — Текст : электронный.

23. Попов, В. А. И. С. Проханов. Страницы жизни / В. А. Попов. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 1996. — 201 с. — Текст : непосредственный.

24. Программа Конституционно-Демократической партии // Сборник программ политических партий в России. — Санкт-Петербург : Наша жизнь, 1905. — Вып. 3. — 72 с. — Текст : непосредственный.

25. Проханов, И. С. В котле России, 1869–1933 / И. С. Проханов. — Москва : Протестант, 1993. — 253 с. — Текст : непосредственный.

26. Розанов, В. В. Сумерки просвещения / В. В. Розанов. — Москва : Педагогика, 1990. — 624 с. — Текст : непосредственный.

27. Салтыков-Щедрин, М. Е. Либерал / М. Е. Салтыков-Щедрин. — Текст : непосредственный // Собрание сочинений. В 20 т. Т. 16. — Москва : Художественная литература, 1974. — С. 162–166.

28. Сандомирская, И. Книга о Родине / И. Сандомирская. — Текст : непосредственный // Wiener Slawistischer Almanach. — 2001. — 220 с.

29. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с. — Текст : непосредственный.

30. Флоренский, П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. А. Флоренский. — Текст : непосредственный // Сочинения. В 4 т. Т. 2 / П. А. Флоренский. — Москва : Мысль, 1996. — С. 647–681.

31. Явлинский, Г. А. Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990–1999) / Г. А. Явлинский. — Москва : ЭПИцентр, 1999. — 568 с. — Текст : непосредственный.

32. Hertzka, Th. Freiland. Ein soziales Zukunftsbild / Th. Hertzka. — Vierte durchgesehene Auflage. — Dresden ; Leipzig : E. Pierson's Verlag, 1890. — 480 S. — Text : unmediated.

33. Neubacher, F. Freiland. Eine liberalsozialistische Utopie / F. Neubacher. — Wien : Verlag fuer Geschichte & Politik, 1987. — 64 S. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. *The 150th anniversary of I.S. Prokhanov, a recognized Russian religious and public figure of the early 20th century* [150-letie I.S. Prokhanova — priznannogo rossijskogo religiozno-obshhestvennogo dejatelja nachala 20-go veka] (n.d.). Retrieved from [https://www.cef.ru/infoblock/news/read/article/1502386#:~:text/\(In Russ.\)](https://www.cef.ru/infoblock/news/read/article/1502386#:~:text/(In Russ.))

2. Bazylev, V. N. (1999). Canon, standard, stereotype in Language Consciousness and Discourse: materials of scientific discussion at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences [Kanon, jetalon, stereotip v jazykovom soznanii i diskurse: materialy nauchnoj diskussii v Institute jazykoznanija RAN]. In V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds.), *Language, consciousness, communication* [Jazyk, soznanie, kommunikacija] (Iss. 9, pp. 5–52). (In Russ.)

3. Bazylev, V. N. (1999). Isolated concepts of Russian culture [Obosoblennye koncepty russkoj kul'tury]. *Philological notes* [Filologicheskie zapiski], 1, 90–98. (In Russ.)

4. Bazylev, V. N. (2001). Isolated concepts of Russian culture: freedom-will [Obosoblennye koncepty russkoj kul'tury: svoboda-

- volja]. *Bulletin of the Kazan State Pedagogical University* [Vestnik Kazanskogo gos. ped. un-ta], 3, 125-132. (In Russ.)
5. Bazylev, V. N. (2014). Stalin's discussions: discursive parallels [Stalinskie diskussii: diskursnye paralleli]. *Political Linguistics* [Politicheskaja lingvistika], 2, 23–29. (In Russ.)
6. Bazylev, V. N. (2020). Erotic self-portrait against the background of the Kremlin: Alexandra Kollontai [Jeroticheskij avtoportret na fone Kremlija: Aleksandra Kollontaj]. *Political Linguistics* [Politicheskaja lingvistika], 3(81), 12–22. (In Russ.)
7. Vavilov, S. I., & Vvedensky, B. A. (Eds.) (1949–58). *The Great Soviet Encyclopedia* [Bol'shaja sovjetskaja jenciklopedija] (In 50 Vols., 2nd ed.). Moscow, Leningrad: Bol'shaja sovjetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
8. V. Mayakovskij in the memoirs of contemporaries [V. Majakovskij v vospominanijah sovremennikov] (1963). Moscow: GIHL, 731 p. (In Russ.)
9. Vitman, A. M., Pokrovskaja, N. D., & Jettinger, M. E. (1926). Eight years of Russian fiction (1917–1925) [Vosem' let russkoj hudozhestvennoj literatury (1917–1925)]. Moscow, Leningrad: GIZ, 280 p. (In Russ.)
10. Hertzka, T. (1925). *Abandoned into the Future: A Social Novel* [Zabroshennyj v budushhee: Social'nyj roman] (translated from German by T. Bogdanovich). Leningrad: Kolos, 190 p. (In Russ.)
11. Zvereva, G. I. (1996). Reality and historical narrative: problems of self-reflection of the new intellectual history [Real'nost' i istoricheskij narrativ: problemy samorefleksii novoj intellektual'noj istorii]. *Odyssey*, 1, 11–24. (In Russ.)
12. Kacis, L. F. (2000). *Vladimir Mayakovskij. The poet in the intellectual context of the epoch* [Vladimir Majakovskij. Poet v intellektual'nom kontekste jepohi]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 776 p. (In Russ.)
13. Kirhenheim, A. (1902). *Eternal Utopia: With adj. of "The Land of Freedom by Theodor Herzka"* [Vechnaja utopija: S pril. «Strana svobody Teodora Gercka»]. St. Petersburg: F. Pavlenkov, 320 p. (In Russ.)
14. Kovtun, N. V. (2005). *Russian literary utopia of the second half of the XX century* [Russkaja literaturnaja utopija vtoroj poloviny XX veka]. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 536 p. (In Russ.)
15. Dewey, J., Dewey, E. (2000). *Schools of the future* [Shkoly budushhego] (with a comment. of prof. V. V. Kumarina). Moscow: Public education, 250 p. (In Russ.)
16. Surkov, A. A. (Ed.) (1962–78). *Literary encyclopedia* [Literaturnaja jenciklopedija] (In 9 vols.). Moscow, Leningrad: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
17. Manihin, O. N. (2003). *Russian Democratic Party "Yabloko". A brief historical sketch* [Rossijskaja demokraticeskaja partija «Jabloko». Kratkij istoricheskij ocherk]. Moscow: Integral-Inform, 144 p. (In Russ.)
18. Miljukov, P. N. (1923, Dec. 4). "Conquests" or "consequences" of the revolution [«Zavoevanija» ili «posledstvija» revoljucii]. In *Latest News* [Poslednie Novosti], 6. Paris. (In Russ.)
19. Ogloblin, V. (n.d.). *The main liberal Party of Russia drowned in conflicts and bureaucracy, losing voters* [Glavnaja liberal'naja partija Rossii utonula v konfliktah i bjurokratii, poteryaj izbiratelej]. Retrieved from <https://news.ru/politics/kak-vnu-trennyaya-borba-dlya-yabloka-stala-vazhnee-politiki/> (In Russ.)
20. *The experience of Russian liberalism. Anthology* [Opyt russkogo liberalizma. Antologija] (1997). Moscow: Canon, 480 p. (In Russ.)
21. Polanyi, K. (2013). *Selected works* [Izbrannye raboty]. Moscow: Territorija budushhego, 200 p. (In Russ.)
22. YABLOKO Party (n.d.). *Political Memorandum of the YABLOKO Party* [Politicheskij memorandum partii «Jabloko»]. Retrieved from <https://www.yabloko.ru/mpa>. (In Russ.)
23. Popov, V. A. (1996). *I. S. Prokhanov. Pages of life* [I. S. Prohanov. Stranicy zhizni]. St. Petersburg: Biblija dlja vsech, 201 p. (In Russ.)
24. Constitutional Democratic Party (1905). The program of the Constitutional Democratic Party [Programma Konstitucionno-Demokraticeskoj partii]. In *Collection of programs of political parties in Russia* [Sbornik programm politicheskij partij v Rossii]. (Iss. 3). St. Petersburg: Nasha zhizn', 72 p. (In Russ.)
25. Prohanov, I. S. (1993). *In the cauldron of Russia, 1869–1933* [V kotle Rossii, 1869–1933]. Moscow: Protestant, 253 p. (In Russ.)
26. Rozanov, V. V. (1990). *Twilight of Enlightenment* [Sumerki prosveshhenija]. Moscow: Pedagogy, 624 p. (In Russ.)
27. Saltykov-Shchedrin, M. E. (1974). Liberal. In *Collected Works* (Vol. 16, pp. 162–166). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
28. Sandomirskaja, I. (2001). *The Book about the Motherland* [Kniga o Rodine]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 220 p. (In Russ.)
29. Stepanov, Ju. S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience* [Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 824 p. (In Russ.)
30. Florenskij, P. A. (1996). The proposed state structure in the future [Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustrojstvo v budushhem]. In *Essays in four volumes* (Vol. 2, pp. 647–681). Moscow: Mysl. (In Russ.)
31. Javlinskij, G. A. (1999). *Ten years. Publications, interviews, speeches* (1990–1999) [Desjat' let. Publikacii, interv'ju, vystuplenija (1990–1999)]. Moscow: Epicenter, 568 p. (In Russ.)
32. Hertzka, Th. (1890). *Freiland. Ein soziales Zukunftsbild* (Vierte durchgesehene Auflage). Dresden, Leipzig: E. Pierson's Verlag, 480 S. (In German)
33. Neubacher, F. (1987). *Freiland. Eine liberalsozialistische Utopie*. Wien: Verlag fuer Geschichte & Politik, 64 S. (In German)